

Советско-партийные школы и бюджет Наркомпроса (1920–1925 гг.)

Сергеев И. П.

Сергеев И. П. Радянсько-партійні школи та бюджет Наркомосу (1920–1925 рр.). В статті йдеться про особливості фінансування радянсько-партійних шкіл в 1920–1925 рр. Автор приходить висновку, що для цього типу навчальних закладів у складі Наркомосу були створені особливо сприятливі фінансові умови, що негативно позначалось на фінансуванні інших навчальних установ. Але за складом викладачів і студентів ці заклади не відповідали вимогам часу, тому у 1925 р. експеримент більшовиків з підготовки партійних та радянських функціонерів у них було припинено.

Ключові слова: радянсько-партійна школа, Наркомос, бюджет, навчальні заклади.

Сергеев И. П. Советско-партийные школы и бюджет Наркомпроса (1920–1925 гг.). Статья посвящена вопросу об особенностях финансирования советско-партийных школ в 1920–1925 гг. Автор приходит к выводу, что для этого типа учебных заведений в составе Наркомпроса были созданы особенно благоприятные финансовые условия, что негативно отражалось на финансировании других учебных заведений. Но по составу преподавателей и учащихся эти учреждения не отвечали требованиям времени. Поэтому, в 1925 году эксперимент по подготовке в них партийных и советских работников был прекращен.

Ключевые слова: советско-партийная школа, Наркомпрос, бюджет, учебные заведения.

Sergeev I. P. Soviet-party schools and budget of Narcompros (1920–1925). The article is devoted to a question on features of financing of Soviet-party schools in 1920–1925 years. The author comes to conclusion, that for this type of educational institutions in structure of Narcompros have been created especially favorable financial conditions, that was negatively reflected in financing of other educational institutions. But on structure of teachers and pupils these establishments did not meet the requirements of time. Therefore, in 1925 experiment on preparation in them party and Soviet workers has been stopped.

Key words: Soviet-party school, Narcompros, budget, educational institutions.

Розвиток народного образования в первые годы советской власти во многом определялось тем, как финансировалось ведомство Народного комиссариата по просвещению

(Наркомпроса, НКП) и как распределялись денежные средства между находившимися в его ведении учреждениями.

К началу 1920-х годов Наркомпрос взял на себя руководство не только дошкольным воспитанием, начальным, средним и высшим образованием, но и политическим просвещением взрослого населения советского государства. Поэтому одним из его структурных отделений стал Главный комитет по политическому просвещению (Главполитпросвет).

В числе учреждений Главполитпросвета были советско-партийные школы (совпартшколы, СПШ), в истории которых 1920–1925 годы в связи с сущностью задач, ставившихся перед ними руководством страны и Наркомпроса, могут рассматриваться как отдельный период.

История советско-партийных школ в указанный период нашла определенное освещение в историографии. В публикациях советских историков исследовались вопросы о численности совпартшкол и учащихся в них, об учебных программах и значении этих учебных заведений в деле подготовки партийных и советских работников [1, 2, 22, 42, 43, 45]. В новейшей историографии об этом типе учебных заведений лишь кратко говорится в работах, посвященных в целом истории народного образования в советский период [4].

Вопросам об особенностях финансирования совпартшкол и его влияния на развитие других учебных заведений в системе Наркомпроса внимание до сих пор не уделялось. А их исследование вполне возможно, т.к. они хорошо отражены в источниках: решениях разного рода съездов, конференций, совещаний [18, 19, 30, 35, 41], постановлениях высших органов партии и государства [11, 12, 13, 14, 16, 25, 38], опубликованных речах и статьях руководителей Наркомпроса и его учреждений [21, 24, 25, 33]. Богатый фактический материал дает периодическая печать тех лет.

В период гражданской войны политическим просвещением взрослого населения той территории, которая находилась под властью большевиков, занимались профсоюзы, комсомол, Политуправление Красной Армии, Политическое управление на транспорте, Центропечать, внешкольный отдел НКП и другие организации [2, с. 80–81]. Нарком просвещения А. В. Луначарский считал, что «просвещение и весь государственный просветительный аппарат должны быть использованы в целях коммунистической пропаганды» [25, с. 74], а задачу внешкольного отдела Наркомпроса видел в помощи в деле образования людям, которым нормальная школа слишком мало дала, и тем, которые в школе не были [24, с. 79].

В мирных условиях партия сочла необходимым объединить и централизовать всю политико-просветительскую работу, организовать ее по единому плану под своим постоянным руководством и контролем.

С другой стороны, необходимость налаживания государственного и хозяйственного управления, руководства организационно-партийной и

идейно-воспитательной работой выдвигала на первый план проблему подготовки кадров руководителей. Партийный и государственный аппарат испытывали громадный недостаток партийных, советских, хозяйственных работников. Партия большевиков к этому времени значительно выросла количественно. Если к апрельской конференции в 1917 г. в ней было 80 тыс. чел., то к X съезду в 1921 г. – более 732 тыс. чел. Увеличилось количество партийных организаций; требовались и новые кадры их руководителей. ВУЗы страны не могли дать такие кадры, высшую школу большевикам нужно было еще политически завоевать [22, с. 5-6, 13].

Партия не могла использовать внутренние ресурсы для решения проблемы руководящих кадров, поскольку многие партийцы не обладали необходимыми для этого качествами. Проведенная в конце 1920 г. перерегистрация членов партии 38 губерний Европейской части РСФСР показала, что общеобразовательный уровень членов РКП (б) очень низкий: высшее образование имел 1% коммунистов, среднее – 13%, низшее – 71%, а 2% были вообще неграмотными [43, с. 93].

В июле 1921 г. по постановлению ЦК была проведена перепись ответственных работников. Она показала, что основной тип ответственного работника начала 20-х годов – это рабочий или крестьянин, молодой коммунист, с низким образованием [22, с. 17-18].

Все эти обстоятельства побудили руководителей партии и государства попытаться решить задачу подготовки кадров с помощью партийных учебных заведений – советско-партийных школ и коммунистических университетов.

7 августа 1920 г. в «Правде» было опубликовано обращение ЦК РКП (б) и НКП РСФСР ко всем губкомам, губисполкомам и отделам народного образования, которое гласило: «Вовлечением все новых слоев рабочих и крестьян в советскую и партийную работу настоятельно выдвигается задача планомерной организации их теоретической и практической подготовки к этой работе. ЦК РКП (б) и Наркомпрос считают необходимым организовать эту подготовку. ... На Наркомпрос возлагается создание всероссийской сети (сначала губернских, а затем уездных) коммунистических партийных школ. ... Идеиное руководство коммунистическими советско-партийными школами принадлежит Компартии. Компартия осуществляет это руководство через наробразы» [1, с. 39].

27 сентября 1920 г. ВЦИК принял постановление о мерах по усилению деятельности Народного комиссариата по просвещению, которым предписывалось учреждение при Наркомпросе Главного комитета по политическому просвещению [11, с. 222].

12 ноября 1920 г. СНК принял декрет «О Главном политико-просветительном комитете Республики (Главполитпросвете)». По нему «для объединения всей политико-просветительной, агитационно-пропагандистской работы Республики и сосредоточения ее на

обслуживании политического и экономического строительства страны» при Наркомпросе учреждался Главный политико-просветительный комитет Республики (Главполитпросвет), а при местных наробраззах – «областные, губернские и уездные органы Главполитпросвета – обл-, губ-, уездполитпросветы» [12, с. 198-199]. Председателем Главполитпросвета была назначена Н. К. Крупская, возглавлявшая до этого внешкольный отдел Наркомпроса [1, с. 40]. В декрете указывалось, что Главполитпросвет «организационно объединяет политико-просветительную работу ПУРа, ВЦИК, Главпути, ВЦСПС, ЦК РКСМ». Т. о., вся политико-просветительная работа целиком бралась на государственное снабжение [20, с. 355]. Еще до этого, 4 ноября 1920 г., Малый СНК отпустил Наркомпросу 3 миллиарда руб. «для организации и развития работ по Главполитпросвету» [12, с. 201].

Сразу же после издания этого декрета стала проводиться активная работа по созданию местных органов Главполитпросвета, в ведение которых передавалась широкая сеть политико-просветительных учреждений – изб-читален, клубов, музеев, библиотек, театров, агитпунктов, советско-партийных школ и т. д.

Однако появление нового главка в составе Наркомпроса ускорило и процесс его бюрократизации. Для борьбы с этим явлением в ноябре 1920 г. партийным руководством РСФСР была образована комиссия, которая должна была разработать план реорганизации всего НКП. Комиссия выявила, что на это время НКП имел 35 отделов со 198 подотделами и секциями. В 16 отделах оказались параллельные финансовые, хозяйственные, издательские и др. функции. По штатам общее число сотрудников Наркомпроса определялось в 11500 чел., а налицо было свыше 8 тыс. чел. [31, с. 147-148]. Сотрудников Главполитпросвета насчитывалось более 1 тыс. чел. [17, с. 10].

Комиссия выработала общий план организации НКП с делением на 3 главка: социального воспитания и политехнического образования (Главсоцвос), подготовки работников всех специальностей и разной квалификации (Главпрофобр) и политико-просветительной работы со взрослыми (Главполитпросвет). В феврале 1921 г. СНК окончательно оформил «Положение о Наркомпросе», добавив четвертый главк – Госиздат.

Одним из последствий реорганизации НКП явилось значительное сокращение его штатов. Реорганизация свела их до 2,5 тыс. чел. [23, с. 147-148], но в Главполитпросвете еще в августе 1921 г. было 1037 чел. и только к концу 1921 г. его штат сократился до 546 чел. [17, с. 10].

Примеру Наркомпроса следовали и его органы на местах. Так, в Москве на 1 декабря 1920 г. аппарат МОНО включал 1289 сотрудников, в том числе во внешкольном подотделе 193 чел. До половины 1921 г. штаты МОНО продолжали расти, в частности, в связи с усложнением организационной схемы: внешкольный подотдел был переименован в Губполитпросвет, штаты его увеличились, доходя к моменту первого

сокращения штатов (в декабре 1921 г.) до 700 чел. В итоге, штаты МОНО стали превышать 1500 чел. В 1922 г. в результате сокращений штат МОНО составлял 140 сотрудников, т.е. уменьшился в 12 раз [44, с. 10-11].

Сразу после своего образования Главполитпросвет установил штатное расписание для своих местных органов. В соответствии с ним штаты губполипросветов составляли более 100 чел., но к концу 1921 г. также были уменьшены (от 44 до 18 чел. в отдельных губерниях) [17, с. 10].

По определению С. И. Штамма, бюрократизация Наркомпроса и его органов на местах вела к косности, волоките, расхлябаности [45, с. 40]. Но не менее существенным было то, что огромное количество чиновников от просвещения вело к нерациональному использованию отпускавшихся Наркомпросу денежных средств. Ведь этим чиновникам устанавливались повышенные нормы оплаты труда. Например, в 1924/25 бюджетном году, когда средняя ставка учителя равнялась 17 руб. в месяц [10, с. 86], инспектор НКП получал 159 руб, а методист – 128 руб. [47, с. 7].

Первые советско-партийные школы появились в РСФСР в последние месяцы 1920 г. Это были областные совпартшколы с годичным сроком обучения, губернские – с 6-месячными и уездные – с 4-месячным сроком обучения, совпартшколы с 2- и 1,5-месячными сроками обучения [42, с. 114]. К весне 1921 г. функционировало 45 губернских и 22 уездных совпартшколы с общим количеством около 10800 слушателей [34, с. 4].

Школы возникали стихийно, без учета материальных и учебно-воспитательных возможностей их функционирования, без наличия достаточного руководящего состава. Не было единых принципов комплектования слушателей, единых учебных программ. Только перед X съездом РКП (б) была опубликована программа губернских совпартшкол [22, с. 27-28].

X съезд РКП (б) (8–16 марта 1921 г.) в резолюции «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии» назвал в качестве минимального программного задания, которое партия должна себе поставить в области партшкол на ближайший год: «в каждом губернском городе иметь хорошо поставленную совпартшколу с двумя-тремя выпусками в год и не менее чем в половине уездов Республики организовать уездные совпартшколы по сокращенной программе» [18, с. 359].

На 1 октября 1921 г. численность совпартшкол в РСФСР достигла 255 [26, с. 6].

Вслед за РСФСР совпартшколы стали образовываться и в других советских республиках. На 1 ноября 1921 г. в УССР было 88 совпартшкол с числом слушателей и лекторов – 12005 чел. [35, с. 51-52].

1-я Всероссийская конференция СПШ (16–21 декабря 1921 г.) установила, что уездные совпартшколы должны будут преобразоваться в совпартшколы 1-й ступени со сроком обучения от 3 до 4 месяцев, двух уклонов: промышленно-рабочего и земледельческо-крестьянского.

Лучшие выпускники этой школы могли продолжать обучение в совпартшколе 2-й ступени. Она должна иметь годовой курс, давать общее разностороннее марксистское развитие, на естественно-научном фундаменте.

В резолюции конференции указывалось, что «задачи, стоящие перед совпартшколами 1-й и 2-й ступени, заключаются в подготовке советских и партийных работников, могущих сознательно выполнить мероприятия советской власти в масштабе волости или уезда» [30, с. 100]. Далее в резолюции подчеркивалось, что «совпартшкола является тем средством, при помощи которого из рабочих и крестьян ... могут создаваться работники партийной, советской и союзной работы» [30, с. 105].

На основании этой резолюции конференции А. Рындич делал заключение, что «партийно-советская школа готовит ... командный состав социальной революции. Она, так сказать, – фабрика воспроизводства капитала революции» [37, с. 35].

XI съезд РКП (б) (27 марта – 2 апреля 1922 г.) постановил: «окончательно пересмотреть, оформить и закрепить сеть партийно-советских школ с тем, чтобы в каждом губернском городе, а в губернии – на каждые 2-3 уезда, была одна школа соответствующей ступени» [22, с. 32-33].

2 ноября 1922 г. Президиум ВУЦИК утвердил «Кодекс законов о народном образовании УССР» [4, с. 173]. В 4-й книге Кодекса шла речь о двух типах совпартшкол (1-й ступени (уездного типа) и 2-й ступени (губернского типа)), о задачах этих учебных заведений («подготовка советских и партийных работников административно-организаторского и агитационно-пропагандистского типа, подготовленных к выполнению мероприятий Советской власти в масштабе волости или уезда») [16, с. 48-55].

В 1922 г. в связи с трудной финансовой ситуацией в советских республиках наметилось сокращение численности совпартшкол. В РСФСР на 1 октября 1922 г. продолжали функционировать 205 СПШ (153 – 1-й ступени и 52 – 2-й ступени) [15, с. 91]. Но в отличие от многих других учреждений Наркомпроса совпартшколы и в условиях новой экономической политики оставались на государственном содержании [26, с. 6]. На состоявшемся в июле 1922 г. I Всеукраинском совещании политпросветов тенденция к ликвидации совпартшкол была осуждена как «мелкобуржуазная» [40, с. 340].

Но и в последующие годы количество школ менялось. Так, в РСФСР в 1922/23 учебном году было 153 СПШ 1-й ступени и 45 СПШ 2-й ступени, в 1923/24 учебном году – 116 СПШ 1-й ступени и 39 СПШ 2-й

ступени, в 1924/25 учебном году – 97 СПШ 1-й ступени и 43 СПШ 2-й ступени [22, с. 34].

С первых дней существования совпартшкол для них создавались особо благоприятные материальные условия. Поскольку предполагалось, что учащими и учащимися в этих заведениях будут коммунисты, занимающие ответственные посты в партийных организациях различного уровня, для привлечения их к работе и учебе в совпартшколах делалось все, чтобы их уровень жизни не был существенно ниже того, каким он был до того, как они связали свою деятельность с этими школами.

25 ноября 1920 г. было принято постановление СНК об уравнивании в правах и льготах учащихся и учащихся партийно-советских школ с учащими и учащимися в рабочих факультетах [12, с. 272]. Оно имело большое значение в плане материального обеспечения учащихся совпартшкол. В эти годы стипендию получали далеко не все студенты основных факультетов вузов и техникумов. Даже в 1924/25 учебном году в РСФСР в вузах получали стипендии 26,3% студентов, а в техникумах – 5,2% [5, с. 41]. Слушатели же рабочих факультетов обеспечивались ею на 100%. Причем в некоторых республиках размер стипендий рабфаковцев был больше, чем у студентов основных факультетов вузов. Так, в соответствии с постановлением ВУЦИК от 2 октября 1922 г. «в целях планомерного урегулирования социального обеспечения учащихся – пролетариев и незаможных селян» на 1922–23 учебный год для студентов УССР было установлено 4000 полных стипендий и 4000 половинных. Из них рабфаковцам выделялись 4000 полных, учащимся остальных учебных заведений Профобра 4000 половинных [38, с. 121].

18 февраля 1922 г. всем губполитпросветам РСФСР было разослано уведомление Наркомпрода о том, что «с 1 февраля 1922 г. вводится повышенная норма продовольственного снабжения партийно-советских школ, при чем курсанты и педагогический персонал будут снабжаться по высшей норме рабочего снабжения, административно-хозяйственный персонал – по полной норме советских служащих» [29, с. 167]. Из текста уведомления видно, что некоторые политпросветы делали заявки на количество пайков, которое значительно превышало численность курсантов в них. Поэтому «Главполитпросвет после фактической проверки нескольких школ ... установил вместо 54 тыс. пайков ... 35 тыс. пайков» [29, с. 167-168].

В мае 1922 г. СНК РСФСР утвердил проект постановления о государственных стипендиях для студентов. По нему стипендии выдавались в виде продовольственного пайка и незначительного количества денег. С 1923 г. продовольственная часть стипендии была заменена денежной [3, с. 255].

Однако слушатели совпартшкол продолжали получать не только продовольственный паек (в УССР постановлением СНК от 13 декабря

1923 г. норма питания учащихся СПШ была увеличена примерно в 3 раза [6, с. 30]), но и деньги на обмундирование. Только за первый триместр 1924/25 учебного года курсанты Черниговской губсовпартшколы получили обмундирования на 4450 руб. Кроме того, школа получила натурой от Наркомпроса 50 пар ботинок и 154 пары белья [32, с. 14]. Бухгалтер школы писал, что за первые 6 месяцев 1924/25 учебного года за счет денег, выдававшихся на обмундирование, курсантам школы были пошиты 100 пальто, 20 костюмов, выдано 158 проростыней и 294 руб. курсанты получили наличностью. При этом НКП на первое полугодие выдал деньги не на фактическое количество курсантов (209 чел.), а на штатное (320 чел.) [27, с. 12].

27 февраля 1921 г. ВЦИК по ходатайству председателя Главполитпросвета Н. К. Крупской принял постановление, в котором губернские и уездные исполкомы призывались «всеми имеющимися в их распоряжении средствами и силами помогать организации и укреплению партийно-советских школ в своих губерниях и уездах, отводить для них лучшие помещения, в первую очередь снабжать продуктами, топливом, отпускать мануфактуру и инвентарь общежитиям курсантов» [13, с. 152-153].

В резолюции X съезда РКП (б) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии» в числе условий успешного выполнения Главполитпросветом основной своей задачи, массовой коммунистической пропаганды и агитации, называлась ударность снабжения работников Главполитпросвета и всех его аппаратов [18, с. 358].

С переходом к новой экономической политике большевики отказались от монополии государства в сфере финансирования учреждений Наркомпроса, что негативно отразилось на материальном положении тех учреждений, которые перестали находиться на государственном бюджете. Декретом СНК УССР от 31 мая 1921 г. зрелищные учреждения политпросвета (театры, кино) также были сняты с государственного снабжения. Но за такими учреждениями, как агитационные пункты, совпартшколы, согласно этому декрету, «должно быть обеспечено реально гарантированное снабжение по усиленной норме» [41, с. 56].

Циркуляр ЦК РКП (б) «О политико-просветительной работе» от 16 ноября 1921 г. предписывал местным партийным комитетам «регулярно заслушивать доклады политпросветов, входить во все их нужды и ... путем соответствующего воздействия на местные исполкомы обеспечивать за политпросветами фактическое забронирование необходимого количества пайков для работников и курсантов, денежных знаков и материально-хозяйственного снабжения в целях осуществления ударности их работы, особенно в основных отраслях (совпартшколы, агиткампании, газеты, библиотеки, Роста)» [14, с. 154].

Большую заботу о благосостоянии совпартшкол проявили делегаты I-й Всероссийской конференции работников партийно-советских школ и политпросветкурсов (16-21 декабря 1921 г.). В ее резолюциях в числе мероприятий по материальному снабжению и финансированию совпартшкол, которые было необходимо срочно провести через соответствующие государственные органы, назывались: повышение нормы продовольственного снабжения совпартшкол I-й и 2-й ступени до нормы высших военно-учебных заведений (авторы резолюции считали «подготовку командного состава революции не менее важной обязанностью Советской республики, чем подготовку командного состава Красной Армии»), полное снабжение совпартшкол обмундированием, бельем, постельными, хозяйственными и канцелярскими принадлежностями, установление денежной оплаты штатных лекторов и групповодов в размере существующих ставок ответственных партийных работников, бронирование кредитов и денежных знаков, отпускаемых губполитпросветами для совпартшкол в пределах их потребности, вызываемой ударностью и сложностью работы [30, с. 104].

Поскольку в некоторых губерниях предпринимались попытки поддержать другие учреждения из ведомства НКП за счет средств, выделявшихся для совпартшкол, Главполитпросвет разослал в свои местные органы специальный циркуляр. В нем подчеркивалось, что суммы, ассигнованные на партшколы, «не подлежат никакому перераспределению» [7, с. 398].

В письме ЦК РКП (б), адресованном всем обкомам, облбюро, губкомам и коммунистам-слушателям совпартшкол, всем парткомам и коммунистам, возглавляющим советские органы, вменялось в обязанность строго следить за своевременным удовлетворением нужд совпартшкол подведомственными им учреждениями. Одновременно предлагалось проведение ряда мероприятий по обеспечению семей курсантов за счет местных средств: установление льгот, вплоть до полного освобождения по уплате местных налогов, по несению натуральных повинностей, по возмещению коммунальных расходов и т.п. [8, с. 168-169].

XI съезд РКП (б) (27 марта – 2 апреля 1922 г.) обращал внимание ЦК партии на необходимость улучшения материального положения совпартшкол [18, с. 527].

Циркуляр ЦК РКП (б), Наркомпроса и Главполитпросвета от 3 мая 1922 г. в категорической форме предписывал всем губоно и губполитпросветам расходовать кредиты на СПШ по прямому назначению, обязывал губоно в первую очередь выделять деньги для СПШ. Партийным комитетам предлагалось «в целях удовлетворения нужд Совпартшколы через Советы изыскивать местные средства на покрытие тех нужд Совпартшкол, которые не могут быть удовлетворены за счет кредитов Главполитпросвета» [28, с. 132].

Постановлением ВУЦИК от 9 августа 1922 г. горисполкомам поручалось произвести за счет местных средств необходимый ремонт зданий, занимаемых совпартшколами и общежитиями при них, оборудование указанных помещений и приведение в исправный вид водоснабжения, отопления и освещения указанных помещений, оборудование их необходимым инвентарем [38, с. 106].

Такая забота центральных органов партии и государства о совпартшколах привела к тому, что государственные затраты на содержание слушателей совпартшкол значительно превышали те суммы, которые тратились на содержание студентов вузов и техникумов. В 1924/25 учебном году расходы на одного студента вузов без расходов по ремонту зданий, без стипендий и содержания общежития равнялись 173,49 руб., одного студента техникумов 103,1 руб., а слушателя совпартшкол – 325,72 руб. [46, с. 1096].

В 1923–1925 гг. для обеспечения возможности поступления в совпартшколы рабочих и крестьян старшего возраста, имевших семьи, были приняты постановления, по которым для слушателей совпартшкол устанавливались льготы по взносу единого сельхозналога, гарантировался первоочередной прием членов их семей в учреждения Наркомпроса и Наркомсобеса (школы, детдома, ясли, дома для престарелых и т.д.) с бесплатным обслуживанием [45, с. 246].

Такой «режим наибольшего благоприятствования», создававшийся для совпартшкол, негативно отражался на финансировании не только учреждений таких главков Наркомпроса, как Главсоцвос и Главпрофобр, но и на возможностях для нормального функционирования других учреждений Политпросвета.

Апрельский (1922 г.) пленум Центрального Комитета Всероссийского союза работников просвещения в качестве причины катастрофического падения материального уровня жизни работников просвещения называл «отсутствие ясного производственного плана в работе Наркомпроса, развившего культурно-просветительное дело во всех направлениях без всякого учета своих материальных ресурсов и часто даже без учета простой возможности фактического существования вновь открывавшихся и росших буквально как грибы учреждений всевозможных типов» [9, с. 5].

Руководители местных органов системы Главполитпросвета сетовали: «В сметах политпросвета на местах совпартшколы пожирают 60-70% всего нашего бюджета. Мы не можем вести никакой массовой политпросветработы исключительно потому, что СПШколы поедают все наши средства» [23, с. 25].

Создатели совпартшкол понимали, что для успешного выполнения задач партийных учебных заведений недостаточно одной ударности их снабжения, для этого «необходимо ... уделять последним достаточное количество партийных лекторских сил и принять все меры к подбору наилучшего состава слушателей школы» [18, с. 453].

Однако оба эти условия к 1925 г. так и не были созданы. В конце 1922 г. А. Рындич так характеризовал положение с лекторским составом совпартшкол: «Что касается партийных сил, обслуживающих совпартшколы, то и по сей день с ними обстоит скверно. ... В подавляющем большинстве школа обслуживается кое-как, лектора «гастролируют», нередко идут на лекцию без всякой подготовки, срывают занятия внезапными отлучками «по служебным делам», ... об их воспитательной работе в совпартшколе говорить не приходится» [36, с. 90]. В 1924 г. П. Логинов говорил о преподавательском составе совпартшкол Украины: «Лекторский состав совпартшкол, особенно в части общих политических дисциплин, очень слаб. Слаб он во всех отношениях – и в педагогическом, и в партийном» [23, с. 24].

Яркую характеристику слушателей совпартшкол находим в выступлениях руководителей Наркомпроса тех лет.

В 1923 г. Н. К. Крупская отзывалась о контингенте учащихся СПШ следующим образом: «Нынешний состав слушателей совпартшкол – это, главным образом, молодежь, у которой мало жизненного и партийного опыта и нет никакой общеобразовательной подготовки. ... Она неграмотна, мало подготовлена, не привыкла отвлеченно мыслить, работать над книгой» [21, с. 81-82].

Заместитель наркома просвещения М. Н. Покровский в своей речи на III всесоюзном съезде совпартшкол в 1924 г. назвал совпартшколы высшей школой. Но при этом он признавал, что в эти школы «приходят люди еле грамотные, т.е. такого рода материал, который для высшей школы во все времена и во всех местах признавался негодным» [33, с. 11].

В 1925 г. один из слушателей Черниговской губсовпартшколы так характеризовал уровень общеобразовательной подготовки учащихся: «Когда школа была укомплектована и начались занятия, в классах на вопрос учителя, где кто учился и кто что знает, отвечали почти все: «Нигде не учился и ничего не знаю» [39, с. 89].

Постепенно в руководстве партии и правительства все более укреплялась мысль о том, что советско-партийные школы не в состоянии справиться с ролью «фабрики воспроизводства капитала революции». В конечном итоге, XIV конференция РКП (б) в апреле 1925 г. признала необходимым «провести реорганизацию совпартшкол в школы деревенских пропагандистов и избачей (заведующих избчитален – И. С.)» [19, с. 364].

Таким образом, в условиях сложного экономического положения советских республик в первой половине 1920-х годов руководители партии и правительства распределяли материальные средства, выделявшиеся на нужды Наркомпроса, таким образом, что советско-партийным школам создавался «режим наибольшего благоприятствования» в ущерб интересам других учебных заведений. Однако и этот эксперимент большевиков в сфере народного

образования закончился неудачей, нанеся большой вред делу развития просвещения в СССР.

Примечания

1. *Андреев Е. Г.* Формы и методы партийного просвещения (Из истории становления системы политического образования. 1921–1925 гг.). / Е. Г. Андреев. – Алма-Ата, 1973.
2. *Андреева М. С.* Коммунистическая партия – инициатор создания и руководитель Главполитпросвета (1920–1923 гг.) / М. С. Андреева // Вопросы истории КПСС. – 1968. – №6.
3. *Белкин Р. И.* Студенчество, его материальное положение и организация / Р. И. Белкин // Педагогическая энциклопедия / Под ред. А. Г. Калашникова. – М., 1930. – Т. 3.
4. *Березівська Л. Д.* Реформування шкільної освіти в Україні у ХХ столітті. / Л. Д. Березівська. – К., 2008.
5. *Ваганян В. А.* О системе народного образования / В. А. Ваганян. – М., 1931.
6. *Виткуп А.* Совпартшколы УССР к началу 1923/24 г. / А. Виткуп // Путь к коммунизму. – 1924. – №1.
7. *Всем Губ. и Уполитпросветам* // Путь к коммунизму. – 1922. – №2.
8. *Всем Обкомам, Облбюро, Губкомам и коммунистам-слушателям совпартшкол* // Коммунистическое просвещение. – 1922. – №2.
9. *Год работы. Октябрь 1921 – октябрь 1922.* Отчет Центрального Комитета Всероссийского союза работников просвещения IV Всероссийскому съезду. – М., 1922.
10. *Грищенко М. С.* Нариси з історії школи в Українській РСР (1917–1965) / М. С. Грищенко. – Київ, 1966.
11. *Декреты Советской власти.* – М., 1980. – Т. 10.
12. *Декреты Советской власти.* – М., 1983. – Т. 11.
13. *Декреты Советской власти.* – М., 1983. – Т. 13.
14. *Директивы ВКП (б) и постановления советского правительства о народном образовании.* Сборник документов за 1917–1947 гг. / Составил Н. И. Болдырев. – М.:Л., 1947.
15. *Камышан А.* Итоги партийной работы в области строительства совпартшкол / А. Камышан // Коммунистическая революция. – 1922. – №15.
16. *Книга IV Кодекса законов о народном просвещении УССР* // Путь к коммунизму. – 1922. – №10.
17. *Колесникова Н.* Новый этап в организации политпросветработы / Н. Колесникова // Коммунистическое просвещение. – 1922. – №1.
18. *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.* – М., 1983. – Т. 2.
19. *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.* – М., 1984. – Т. 3.

20. *Кравченко А.* Общая характеристика системы политико-просветительной работы / А. Кравченко // Педагогическая энциклопедия / Под ред. А. Г. Калашникова. – М., 1930. – Т. 3.
21. *Крупская Н. К.* О методах преподавания в совпартшколах (Доклад на втором всесоюзном съезде совпартшкол 12/IV 1923 г.) / Н. К. Крупская // Совпартшколы и комвузы. – М.; Л., 1926.
22. *Леонова Л. С.* Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах (1917–1925 гг.) / Л. С. Леонова. – М., 1972.
23. *Логинов П.* Совпартшколы Украины в 1923–24 уч. году (Речь на II Всеукр. Совещ. СПШкол / П. Логинов // Совпартшкола к 1924/25 уч. году. Сборник материалов III Всесоюзного и II Всеукраинского съездов совпартшкол. – Харьков, 1924.
24. *Луначарский А. В.* Задачи внешкольного образования в советской России (Речь, произнесенная на открытии I Всероссийского съезда по внешкольному образованию 6 мая 1919 г.) / А. В. Луначарский // А. В. Луначарский о народном образовании / Сост. Ф. С. Озерская. – М., 1958.
25. *Луначарский А. В.* Коммунистическая пропаганда и народное просвещение / А. В. Луначарский // А. В. Луначарский о народном образовании / Сост. Ф. С. Озерская. – М., 1958.
26. *Мещеряков В.* Аппараты политико-просветительной работы / В. Мещеряков // Коммунистическое просвещение. – 1923. – №6.
27. *Міланеченко.* Кілька слів про наші гроші / Міланеченко // Партшколець. Орган Радпартшколи Чернігівщини. – 1925. – №3.
28. *О порядке* расходования кредитов, предназначенных для Совпартшкол // Коммунистическое просвещение. – 1922. – №2.
29. *О снабжении* Совпартшкол Политпросветов // Коммунистическое просвещение. – 1922. – №2.
30. I-я *Всероссийская* Конференция работников партийно-советских школ и политпросветкурсов 16–21 декабря (Резолюции) // Коммунистическое просвещение. – 1922. – №1.
31. *Плюснин-Кронин Б. А.* Система народного образования РСФСР. / Б. А. Плюснин-Кронин. – М., 1926.
32. *Поволоцкий.* Как работала контр. хоз. комиссия / Поволоцкий // Партшколець. Орган Радпартшколи Чернігівщини. – 1925. – №3.
33. *Покровский М.* Значение совпартшкол в строительстве ВУЗ'ов (Речь на III Всесоюзном съезде СПШкол / М. Покровский // Совпартшкола к 1924/25 уч. году. Сборник материалов III Всесоюзного и II Всеукраинского съездов совпартшкол). – Харьков, 1924.
34. *Попов К.* Совпартшкола и массовое просвещение / К. Попов // Совпартшколы и комвузы. – М.; Л., 1926.
35. *Работа* Главполитпросвета за год (14 декабря 1920 г. – 14 декабря 1921 г.) (Выдержки из отчета ГПП 6 съезду Советов) // Путь к коммунизму. – 1922. – №2.

36. *Рындич А.* I-я Всероссийская конференция партийно-советских школ и наши ближайшие задачи / А. Рындич // Коммунистическое просвещение. – 1922. – №1.
37. *Рындич А.* Неотложные и давно назревшие задачи партпросвещения / А. Рындич // Коммунистическая революция. – 1922. – №15.
38. *Сборник постановлений и распоряжений Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета 6-го созыва.* – Харьков, 1922.
39. *Снарядов.* Наш коллектив / Снарядов // Партшколець. Орган Радпартшколи Чернігівщини. – 1925. – №3.
40. *Танский В.* Первое Всеукраинское пропагандистское совещание политпросветов / В. Танский // Путь просвещения. – 1922. – №3.
41. *Третье* Всеукраинское совещание по просвещению. Выдержки из материалов работ пленума и секций. Резолюции. – Харьков, 1922.
42. *Фильченков М. П.* Из истории партийных учебных заведений / М. П. Фильченков // Вопросы истории КПСС. – 1958. – №1.
43. *Чижова Л. М.* Из истории подготовки партийных работников (1921–1925 гг.) / Л. М. Чижова // Вопросы истории КПСС. – 1968. – №6.
44. *Шимбирев П.* Положение народного образования за пять лет / П. Шимбирев // Вестник просвещения. – 1922. – №9.
45. *Штамм С. И.* Управление народным образованием в СССР (1917–1936 гг.) / С. И. Штамм. – М., 1985.
46. *Эпштейн М. С.* Управление и бюджет народного образования РСФСР / М. С. Эпштейн // Педагогическая энциклопедия. / Под ред. А. Г. Калашникова. – М., 1927. – Т. 1.
47. *Яковлева В.* Бюджет Наркомпроса / В. Яковлева // Народное просвещение. – 1926. – №12.

© *Сергеев И. П.*, 2010

Дипломатия Леопольда II накануне Берлинской конференции 1884–1885 гг.

Тавшунский О. М.

Тавшунський О. М. Дипломатія Леопольда II напередодні Берлінської конференції 1884–1885 рр. У статті автор ставить собі за мету проаналізувати політику короля Бельгії Леопольда II напередодні Берлінської конференції і розстановку сил в питанні про створення бельгійської колонії. Бельгійська дипломатія, поднуючи політику лобіювання, інформаційну кампанію і гру на протиріччях між великими державами, змогла добитися для